

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Ольги Громыко
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**ВЕРНЫЕ ВРАГИ
ЦВЕТOK КАМАЛЕЙНИКА
ГОД КРЫСЫ. ВИДУНЬЯ
ГОД КРЫСЫ. ПУТНИЦА**

Ольга ГРОМЫКО

**ГОД КРЫСЫ.
ВИДУНЬЯ**

Роман

Москва, 2012

САРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Серия основана в 2004 году
Выпуск 250

Художник
Е. Беспалова

Громыко О.
Г87 Год Крысы. Видунья: Фантастический роман.—М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 344 с.: ил.—
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-0389-9

Кто-то мечтает о власти и славе, кто-то — о богатстве и роскоши, а кто-то о тихом семейном счастье. Судьба человеческая ветвится на тысячи дорог, и только Пресветлая Богиня знает, куда они ведут. Хватит ли юной путнице удачи, чтобы сделать правильный выбор? (Да и есть ли он на самом деле?) Ведь чтобы одни мечты сбылись, другими иногда приходится пожертвовать...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0389-9

© Ольга Громыко, 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

Автор выражает глубокую признательность своему бессменному корректору Анне Полянской, чудесной художнице Елене Беспаловой, а также ветеринарам Екатерине и Игорю Журавлевым, которые авторитетно подтвердили: коровы таки скачут.

Взяла Богиня Хольга горсть земли и сотворила из нее зверей, опустила ладонь в воду — и сотворила рыб, дунула на воздух — и сотворила птиц...

Поглядел на это Саший, хмыкнул, зачерпнул клоч тумана и сотворил крысу.

Богонись, глава 5

ГЛАВА 1

Крыса — мелкое, но крайне мерзкое и пакостное животное.

Трактат «О тварях земных, водных и небесных»

В конце весны дела вески стали до того плохи, что жители посоветались, скинулись и наняли путника.

Двадцать сребров¹. На двадцать развилок. Вопросы составили заранее, споря так, что общинная изба дрожала.

— Про колодцы, про колодцы спросите! — горячился шорник, маленький щуплый мужичонка, то подпрыгивая за плечами весчан, то пытаясь втиснуться меж столпившихся вокруг стола с почерканным списком.

— Да вписали уже, уймись, — добродушно отмахнулся голова злосчастливого Приболотья. — Вон, вторым сверху.

— Вы не так вписали! Надо не «где», а «стоит ли»! А уж потом, если одобрят, «где», «сколько» и «глубоко ли»!

Поправили.

Зима выдалась гадкая, бесснежная. Озимые померзли, пошли в рост так редко, будто не зерно сыпали, а картошку сажали. По весне таять было нечему, даже речка из берегов

---

¹ серебряная монета. — *Здесь и далее примеч. авт.*

не вышла, чуток их подмыла — и все. Яровые пришлось сеять в почти сухую землю, из которой до сих пор не проклюнулось ни единого ростка. Огороды спасал только ежедневный полив, но когда ведра начали царапать днища колодезцев...

— И про мою белую корову выяснить надо! — ревниво вклинился лавочник.— А то три дня уже перенашивает, вдруг неладно что?

— Подождет твоя корова,— цыкнул кузнец.— Сначала — общее дело, а потом уж ерунда всякая.

— Это моя Сметанка-то ерунда?! — взвился оскорбленный до глубины души хозяин. — А кто по осени канючил: продай да продай теленочка, хочу такую же коровку молочную?

— Нашел время вспоминать,— смутился сосед.— Тут бы курей прокормить... Потом отведешь путника в сторону и спросишь. За отдельную плату.

— Ах так?! Шиш тебе тогда, а не телку! Нарочно на городской рынок погоню!

— Ой-ой-ой, расхвалился щами из неубитого зайца! Может, твоя корова там давно уже копыта отбросила.

— Так,— гаркнул голова, разводя руки, а вместе с ними — готовых сцепиться спорщиков,— или говорите по делу, или выметайтесь отсюда оба!

Драчуны притихли, исподлобья кидая друг на друга неласковые взгляды.

— А если в город на заработки податься? — с надеждой предложил старший сын головы, дюжий шебутной парень, которому давно опостылело скучное весковое житье.— Сколотить шабашку, пройтись вдоль Камышовой Змеи... Может, плоты по ней погонять, в прошлом году за каждый сплав по шесть медек¹ платили.

Отец сердито на него зыркнул, однако вопрос добавил. Отпускать молодежь невесть куда ему очень не хотелось: нарвутся еще на каких разбойников или, распустившись без родительского присмотра, сами в них подадутся. Но если другого выбора не будет...

¹ медная монета.

Наконец вопросы сочинили, утвердили и тщательно переписали набело, на всякий случай — три раза. Одну бумажку голова свернул трубочкой и запихнул под широкий пояс, остальные раздал мельнику и кузнецу.

— При себе держите,— строго велел он.— Чтоб потом не было «на стол положил, а коза в окно голову сунула и сжевала».

Недоволен остался только молец, отказавшийся даже войти в избу (хотя мог бы подсказать что дельное, мужик-то умный!). «Выбор,— бурчал он,— ниспосылается нам Богиней во испытание, и препоручать его наемному видуну грешно!» Упрямый старикан даже запер молельню, чтобы не оскорблять животворную статую видом нечестивцев. Ничего, припасы кончатся — откроет. Своего-то огорода у него нет, да и выпить молец не дурак, особенно на халяву.

* * *

Путник приехал через три дня, ближе к обеду. Хороший, проверенный, с крысой при седле. Пока гостя с почетом принимали в избе головы, мальчишки сбежались к ездовому нетопырю: гладить бархатистую шкуру и теплые жилистые перепонки, разглядывать диковинную упряжь из шкуры зубастой водяной ящерицы, украшенную блестящими заклепками. Нетопырь стоял смиренно, сгорбившись и сучающе прикрыв серебристые глаза. Крыса шипела, плевалась и яростно кусала палочку, которой ей тыкали в морду. Остальное тело твари скрывалось в длинном кожаном мешочке с тремя поперечными ремешками-стяжками, притороченном к седлу. Неизвестно, что сделал с крысой путник — то ли хребет перебил, то ли вовсе лапы отрезал,— но выбраться из оплетки она даже не пыталась, только вяло шевелила пропущенным в дырку хвостом. Ни малейшей жалости тварь не вызвала: здоровенная, бурая, вонючая, с рваными ушами и черными, яростно горящими бусинами глаз. Такие зверюги за просто таскают курят из-под наседок, портят зерно целыми мешками, наводят ужас на котов и могут даже искусать дитя в колыбели. Мальчишки уже подбивали друг друга на «слабо за хвост дернуть?!», но проходящий мимо кузнец пообещал

щал навешать шкодникам таких люлей, что пацаны разбежались без оглядки.

Путник тем временем беседовал с головой и старейшинами вески. На «тварь бездорожья», как уверял осунувшийся, но упрямо постыющийся молец, он не походил никоим образом: крепенький толстячок-боровичок с благодушной улыбкой и хитрющими глазами. Меч с собой в избу не взял, бросил при седле. Да и кого ему тут пугать, кого бояться? Перед путником и так все на цыпочках ходят. А если б опасность почувял — вообще б в веску ехать отказался.

Начали, как водится, издалека, за накрытым столом, дав гостю заморить червячка.

— А что, в городе нынче тоже такое пекло? — Голова выразительно подергал за ворот рубахи, обдувая потную волосяную грудь.

— Вода две медьки кружка,— лаконично сообщил путник, глядя, как хозяйка дома наполняет его кубок вином.

— Надо же! — фальшиво удивился голова. Он был в городе всего три дня назад и предпочел сэкономить, по возвращении выдув полведра.— И покупают?

— А куда деваться...— Путник отхлебнул вина, подержал на языке, смакуя. Глотнул.— Смородина?

— Пополам с рябиной. Еще вишневое есть, отведаете?

— Не откажусь,— благодушно кивнул гость.— Ну и духотища у вас...

Мельник и лавочник наперегонки кинулись открывать окна. Грохнул опрокинутый стул.

В одном окне тут же показалось осунувшееся лицо мольца с непреклонно задранной бородежкой.

— Не дело вы задумали, истинно вам гово...

Мельник поспешно захлопнул рамы и задернул занавеску.

— Солнечная сторона,— извиняющимся тоном пояснил он.— Жарит — аж глаза слезятся.

— Дождику бы нам,— сплеча рубанул голова.

— Дождику...— Путник задумчиво уцепил котлетку за торчащую из бока косточку и начал неспешно обгрызать.—

По всей стране сушь. Даже в Саврии, говорят, за весну только два дождя прошло.

— Тучки-то ходят...

— Тучки...— Гость в напряженной тишине дожеввал, бросил косточку на тарелку и вытер руки о край скатерти, нарочно спущенный почти до пола.— А дождя — шиш. На этой неделе точно не будет. Раз.

Голова подавил разочарованный стон, но тот многоголосьем эхом прорвался за его спиной: все весчане втайне надеялись, что путник ответит на первый вопрос иначе.

Пока гость с бульканьем осушал кубок, хозяева торопливо шуршали заветными бумажками.

— Может, новых колодцев накопать? — срывающимся от волнения голосом прочитал кузнец.— В низинке, у бывшего родника...

Путник на миг остекленел взглядом, потом помотал головой:

— Не-а. Два.— И потянулся к миске с тертой репой.

— А если речку запрудить?

На этот раз путник думал дольше.

— Нет. Лучше не трогать. Три.

— Я ж говорил, что разольется и вся на болото изойдет,— не удержался, досадливо напомнил лавочник.

— Или осыповские с нижнереченскими объединятся и морды нам бить пойдут,— поддакнул сын головы.— Они грозились!

Путник равнодушно пожал плечами. Его такие мелочи не интересовали, а проверять их бесплатно он не собирался.

— А если через пару недель заново поля засадить? Взойдет или впустую потратимся?

Толстяк подавил зевок. С этой голытьбой вечно одно и то же. Надеются, жмутся, тянут до последнего... Нет, врать весчанам он не собирался — кодекс запрещает, да и дар утратить можно, бывали случаи. Но путник сразу видел: дело гиблое, какой вопрос ни задай. Пусть, впрочем, спрашивают. Глядишь, горсточка серебра и накапает.

— Впустую. Четыре. Следующий.

Солнце уже всюду пекло спину, а пристойного клева Рыска так и не дождалась. То ли рыбе не нравился юго-восточный ветер, резко сменивший северного собрата, то ли погожий, без единой хмаринки денек, то ли вонючий жир, на котором пеклась наживка-лепешка (а что делать, если сала в бочке остался только один круг и его приходится беречь, неделю смазывая сковороду одним и тем же куском?). В любом случае в туске у девочки плескалось больше воды, чем рыбы. И то какой-то мелочи: несколько верховок длиной с палец, кошке на радость, три жирненьких, уже дохлых ильника да четыре десятка карасей, самый крупный из которых умещался на ладони.

По уму пора бы сматывать удочку, но вдруг именно в этот момент к размякшему катышку на крючке примеряется огромный сом? Рыска, размечтавшись, красочно представила, как, упираясь обеими ногами, борется с упрямой рыбиной, щепоть за щепотью вытягивая ее из воды; как уже на берегу добыча обрывает леску и начинает, сердито хлеща хвостом и подскакивая, сползать по пригорочку обратно к сажалке; как Рыска валится на нее животом...

В доме на другом берегу послышался собачий лай, за скрипела дверь, и на крыльцо вышла полная женщина в цветастом платье. Уперла руки в бока, бдитительно осмотрелась.

Уже схваченный за жабры сом бесследно испарился. Рыска ничком вжалась в землю, хотя камыши надежно прикрывали девочку от теткиных глаз, а соломенный поплавок с такого расстояния и вовсе не заметен.

Тетка Батара терпеть не могла рыбакащих в сажалке детей, хотя сама ни удочкой, ни сетью не промышляла — только выпускала на воду гусей. Видать, просто жаба ее душила, что кто-то извлекает выгоду из ее имущества, будь это даже помойка на заднем дворе.

Между прочим, сажалку делал Рыскин дед, бревнами и глиной запрудивший текущий по овражному дну ручей — чтобы рыба велась и дети купались. Но это как-то незаметно забылось, а когда дед умер, Батара и вовсе обнаглела, присвоив ничейный пруд.

— Эй, ты! — неожиданно завопила тетка, хватая стоящую у порога хворостину и грузно сбегая по ступенькам.— Ты, ты! Думаешь, не вижу?! Вылазь, кому сказала, дрянь эдакая!

Рыска оцепенела от страха. Конечно, сама тетка ничего ей сделать не сможет — ну поорет вслед, кобеля натравит (старый, ленивый, только для виду побрешет и зубами у пяток поклацает), — но, если встретит Рыскиного отца, непременно нажалуется, а тому дай только повод обчистить розгу.

Что же делать?! Узнала ее тетка или просто макушку заметила? Макушка обычная, смоляная, почти как у всей здешней ребятни. Сажалка широкая, длинная, авось тетка не станет ее обегать. В крайнем случае можно задом отползти и в соседний овраг скатиться, а уж по его дну драпануть... крапивы только там полно, да и удочку жалко...

Батара сделала еще несколько шагов и остановилась. Зевнула, хворостиной почесала себя между лопатками и, развернувшись, вразвалочку двинулась к птичнику на задворках.

«Просто так орала, на испуг хотела взять», — с облегчением поняла девочка. Тем не менее ноги-руки ощутимо дрожали, а настроение испортилось напрочь. Какая уж тут рыбалка!

Рыска села, смотала удочку и, придерживая рыбу пятерней, слила из туеска половину воды, чтобы не плескалась на ноги по дороге. Раскрошила лепешку, собираясь кинуть на прикорм, но передумала и съела сама. Да уж, не ахти, зато как раз такого размера, чтобы заглушить голод, не успев дать ощутить гадкого привкуса.

Тетка Батара шумно возилась за сараями, покрикивая на гогочущих гусей и, кажется, охаживая хворостиной лезущего под ноги поросенка. Точно, поросенка — на мужа она ругалась куда крепче, не стесняясь в выражениях и пожеланиях, а нежную животинку не дай Богиня сглазить!

Из-за угла дома, сердито шипя и хлопая крыльями, показался первый гусак. Вперевалку добежал до сажалки и так шумно в нее плюхнулся, что сонная полуденная тишина разлетелась на осколки и осыпалась в воду вместе с поднятыми птицей брызгами. Стадо из пяти гусынь и семи крупных, но

еще не оперившихся гусят последовало за вожакom, мигom превратив тихий прудок в рыночное торжище.

Девочка закинула удочку на плечо, развернулась к тропке и задумалась. Проще и быстрее всего вернуться через веску, но есть риск нарваться на Батаринoго сынка, местного заводилу и главаря ребячьей компании, в которую Рыска, увы, не входила. Уж Илай-то безошибочно углядит отверженку сквозь любые кусты, да что там — дубы! А учитывая, что он на голову выше и вдвое сильнее...

Можно еще лесом пойти. Это вчетверо дольше, и по холмам придется карабкаться, чего по такой жарнице совсем не хочется. Ой, сегодня же путник должен приехать! Значит, все весчане собрались у головы, кто в доме, кто во дворе, и мальчишки тоже поблизости вертятся. Рыске и самой охота было поглядеть на грозного гостя, но, если Илай застучает ее с удочкой, трепки не миновать. Ясно же, что не на Камышовую Змею бегала, там нынче илу на двадцать шагов от берега. Нет, через веску сейчас точно нельзя!

Ручей тоже сильно обмелел, не понадобилось даже идти до мостика. По склону холма, начинавшемуся сразу от бережка, пришлось карабкаться чуть ли не на четвереньках, сжимая удочку в зубах. На ноги удалось встать только на тропинке, испещренной коровьими следами: другая сторона холма была пологой, и загоняемая по ней скотина привыкла пастись возле кручи. Еще выше рос еловый лес, летом Рыска бегала туда по землянику, осенью — за лисичками.

Девочка отряхнула коленки, перевела дыхание. Самое гадкая часть пути позади, теперь прямо по тропке до овражка, а потом вниз и вдоль огородов до самого дома.

— Эй, Рыска-крыска, стой!

Девочка испуганно оглянулась. По склону, пыхтя и спотыкаясь, взбирались четверо мальчишек. Окликнул ее Варик, лопухий и чуток косоглазый сын кузнеца, ровесник Рыски. С ним одним еще можно было разойтись миром, а иногда и поиграть, — но только не в компании с Илаем и его двоюродными братцами.

— Ага, попалась, жабоглазая! — торжествующе прошипел Илай. — Что, опять из моей сажалки рыбу крадешь?

— Это моя сажалка,— чуть слышно возразила девочка, пряча руки за спину.

— Чего ты там пищишь, воровка?

— Ее мой дед выкопал!

— Твой дед в Саврии нужники ложкой чистит, а ложку облизывает! Отдавай туесок, живо!

Рыска попятилась, беспомощно озираясь по сторонам. Не тот в туеске улов, чтобы за него цепляться, но Илаю он тоже не нужен, просто унижить ее хочет. Сначала рыбу отнимут, потом удочку, в прошлый раз вообще голышом по веске пустили...

Девочка медленно подняла туесок, вроде как собираясь протянуть Илаю, но, когда тот нетерпеливо шагнул к ней, резко выплеснула воду мальчишке в лицо:

— На!

Дружки захохотали, тыча в него пальцами: своего ли, чужого бьют — все забава. Выглядел Илай и вправду смешно: глаза вытаращены, рот раззявлен, в кудрях застряла дохлая верховка, карасик провалился за шиворот и вовсю там трепыхается, просвечивая сквозь мокрую рубашку. Да и запах у прудовой, настоящей на рыбе водички не чета колодезному.

Рыскино торжество длилось недолго.

— Бей саврянскую крысу! — взвыл Илай, первым срываясь в погоню.

Девочка развернулась и без оглядки помчалась по опоясывающей гору тропке. Тугие косички лупили по спине, как нахлестывающие вожжи. Под мальчишечьей ногой треснула отброшенная удочка, покатился по склону туесок.

— Лови-и-и!

Подъем кончился, тропа тоже, и Рыска влетела в высокие папоротники на лесной опушке. Тут, по слухам, водились гадюки, и голопятые мальчишки не рискнули соваться в заросли, оббежали по краю. Везучая девчонка успела затеряться меж елок, но Илай уверенно повел компанию вперед: нырнуть под куст и пересидеть погоню у дурь-Крыски ни ума, ни духу не хватит. Небось побежала напрямик к дому, за мамкину юбку прятаться. А дотуда они ее еще пять раз нагнать успеют.

— Нет. Двадцать.

Повисла гнетущая, как на поминках, тишина.

— Все? — уточнил путник и, не дождавшись ответа, пожал плечами и вернулся к еде.

Все. Конец веске. Что ни делай — впустую. Засуха погубила всходы, а вскоре сожжет и траву, оставив скот без сена на зиму. Единственное, что видун одобрил, — сняться с места со всем добром и откочевать в сторону Саврии, славной дождливым летом и затяжной осенью. Но печи-то, избы с собой не унесешь, да и слухи о новой войне который год ходят. Как бы вовсе ни с чем не остаться.

Гость обсосал утиную косточку, поглядел в окно, на свернувшегося клубком нетопыря, и равнодушно обронил:

— Мелочовкой не обойдетесь. Дорогу менять надо.

Тишина сменилась покашливанием, потом шушуканьем.

— А можно ее сменить-то? — робко уточнил голова.

— Отчего ж нет? У вас тут хорошо-о-о,— зевнув, добавил гость,— болота рядом, тучи притягивают. И низина. Это в городе ворочай не ворочай — как ворот у пустого колодца. И людей там много, стопорят.

Кузнец и голова переглянулись. Первый выразительно потер щепотью: мол, спроси!

— А на скока затянет?

— Один к пятидесяти где-то... — прикинул путник, на миг обратившись к дару.— Ну, значит, пятьдесят и возьму. Не считая тех двадцати.

Снова зашушукались. Тридцать стояла дойная корова — хорошая, молочная,— а на остаток можно мешок курей купить. Даже хуторским накладно, а уж простым весчанам...

— Эй, Талкович,— голова легонько пихнул локтем лавочника,— сколько дашь?

— А чего сразу Талкович? — нахохлился тот.— Сколько другие, столько и я. Всего-то по три со двора выходит.

— Это тебе «всего-то». А Колаю даже на вопросы пришлось у меня одалживаться, хорошо если только по осени отдать сумеет. Дай хоть десять!

— Чего это я ваш дождь оплачивать должен?

— А мы, значит, на твою корову всей веской сбрасываться должны? — возмущился кузнец, чутко прислушивающийся к разговору.

— Так не сбросились же!

Корова, кстати, вчера благополучно отелилась, назло обоим спорщикам — бычком.

— Я тут тружусь в поте лица, — распаялся лавочник, — медьку к медьке коплю, а какой-то лентяй вроде вот его...

— Что?!

Голова привычно вклинился между забияками, подозревая, что они нарочно собачатся у него на виду, чтобы было кому развести без ущерба для достоинства: лавка и кузня стояли бок о бок, и если бы соседи так схлестывались при каждой встрече, то давно бы уже друг друга поубивали.

— Десять с тебя, десять с мельника и еще десять с Сурка содрать попробую. Вы ж и потеряете больше, если засуху не отведем.

Лавочник, услышав, что «обирают» не его одного, успокоился и, еще немного побурчав, полез за пазуху. Мельник вовсе не стал спорить: не будет зерна, не будет и помола. Сурок, зажиточный хуторянин, стоял в теньке под яблоней, разговаривая с Колаем. Точнее, тот что-то клянчил у богатого родича, смущенно комкая в руках шапку, а хуторянин неопределенно кривил губы.

Но только голова открыл дверь, как откуда-то сбоку выскочил молец, с неожиданной силой оттолкнул весчанина с дороги и ворвался в избу, потрясая кривой палкой.

— Опомнитесь, глупцы! — заорал он так, что из-под стрехи выпорхнули разморенные жарой ласточки. — Грешно забегать вперед по тропе судьбы, но менять ее — кощунство! Наши пути проложены Богиней еще до нашего рождения, и нельзя их менять по своему желанию!

— Почему это? — благодушно поинтересовался заскучавший было путник. — Дождик пойдет, поля зазеленеют, колбаску копченую тебе под полой понесут — чем плохо?

— Молчи, выродок! Власть твоя не от Богини Хольги, а от ее лживого мужа Сашия, недаром Владыкой Бездорожья именуемого! И как Хольга, проведая о бессчетных злодеяни-

ях супруга, изгнала мерзавца из своего чертога, так и вам следует гнать поганого видуна за порог, а следы его посыпать толченой горчицей!

В следующую щепку¹ за порогом оказался сам молец.

— Простите, господин,— криво ухмыльнулся голова, на всякий случай подпирая запертую дверь спиной.— Он того, блаженный чуток... из жалости держим...

Гость снисходительно кивнул. Чего там извиняться, и так все ясно: покуда не припечет по-настоящему, и молец хорош.

— Ну что, поворачиваем?

— Да-да, вот только денежку соберу! Ирона, кликни-ка Сурка к окошку!

«Блаженный» меж тем отступаться не желал.

— Люди, не поддавайтесь искусу разовой выгоды! — голосил он, барабанил по двери ладонями.— Видун вытащит алмаз из подножия горы, но вслед за ним на наши головы сойдет лавина! Откуда мы знаем, куда приведет новая тропа? Вдруг на ней нас ждет уже не засуха, а наводнение, мор, пожар, саврянская тля?

— Хоть бы он мне крысу не испортил,— вслух подумал путник и так недобро глянул на дверь, что двое дюжих парней скорей кинулись во двор зажимать крикуну рот и отгаскивать подальше. Вежливенько, конечно, без вредительства. Путник, он уедет. А с мольцом в мире жить надобно. И самому мольцу, думается, в гробовую клетку еще не хочется — Богиня-то только души защищать горазда, с телами у нее хуже выходит.

Вопли мольца затихли. Путник встал, сладко потянулся, подвигал плечами.

— Спасибо за хлеб-соль, хозяйева. Да и котлетки хороши были. Я тоже, пожалуй, выйду, подожду вас у плетня.

Без гостя дело пошло живее. Теперь уже и вслух поспорить можно, и скопом жадину застыдить. Некоторые побежали за деньгами, другие принялись клянчить в долг у того же лавочника или головы. Блестящая кучка на столе быстро росла.

---

¹ время горения щепки примерно 15 секунд.

Нетопырь развернул уши и плавно перетек из лежачего положения в сидячее. Протянул к хозяину короткую умную морду, беззвучно вякнул.

— Соскучилась, моя хорошая?

Путник начал крупно ломать и скармливать зверюге беззастенчиво прихваченные со стола полковриги. Нетопыриха ела с удовольствием, хоть и без жадности: весчане расстарались, насыпали яблочек вперемешку со свеклой, даже молока в ушат налили.

Путник отряхнул ладони и наконец обратил внимание на второго «помощника»:

— Ты как? Готов?

Крыса задрала морду, ощерилась. Путник ухмыльнулся в ответ:

— Ну и ладно. Кто тебя спрашивает-то.

Тварь попыталась укусить протянутую руку, но получила такой щелбан, что закатила глаза, позволив хозяину беспрепятственно отцепить чулок от седла.

Небрежно помахивая крысой, путник подошел к благоговейно ожидающей его у крыльца толпе. Подбросил на ладони врученный мешочек, заключил, что если и недоложили, то пару монет, но пересчитывать ради них лень. Потом проверит и, если что, в следующий раз напомнит.

Кивнув и спрятав плату, путник резко посерьезнел. Вышел в центр двора, распростер руки и начал медленно поворачиваться на месте, будто флюгер, ищущий ветер. Полуприкрытые глаза быстро-быстро двигались под веками, в щелках были видны только белки.

В одну сторону, потом в другую. Снова по солнцу, но на сей раз хватило полуоборота.

— Туда.

Путник открыл глаза и уверенно двинулся к хлевам и дальше, по уходящей в поля дороге. Весчане овечьим стадом сменяли следом, со страхом и надеждой таращась на «вожака».

— Вот отсюда и повернем, — наконец заключил тот, остановившись в ромашковом озерце у обочины. — Э-э-э нет, так не пойдет! Ну-ка разойдитесь! Чтобы ближе ста шагов ни одного человека не было.

Толпа поспешно втянулась обратно в веску, как червяк в нору. Путник наклонился, сорвал травинку. Пожевал сочный белый кончик, сплюнул. Взял крысу обеими руками по середине туловища, поднес к лицу. Жесткая кожа оплетки не давала твари изогнуться и цапнуть мучителя, а то, что с ней собирались сделать, крысе явно было не по нутру — хвост бешено крутился, зубы шелкали.

— Не сопротивляйся, — дружески посоветовал путник. — И мне труднее, и тебе больнее.

Внешне ничего не изменилось. Не было ни громов, ни молний, да и вообще белые облачка как плыли реденько по небу, так ходу и не прибавили. По-прежнему колыхался над землей раскаленный воздух, трещали кузнечики да сватался к солнцу жаворонок. Только пронзительно запищала крыса, и словно рябь по траве пробежала, на миг позолотив колоски.

Но путник опустил руки и довольно улыбнулся.

* * *

В лесу было еще жарче, чем на опушке — там хоть ветер по полю гуляет, а тут как в закрытой печке. Рубашка на Рыске мигом взмокла, девочка жадно хватала ртом горячий, с привкусом прели, воздух.

Топот и крики приближались. Для мальчишек это была всего лишь забава, они не шибко рвали жилы, успевая и постучать палками по стволам, и поорать дразнилки. Рыска же мчалась как одуревший от страха зайчонок, не замечая ничего вокруг и держа в голове только цель: дом.

Сияние облитых солнцем крон померкло. Тень от облака, обведенная тонким золотым контуром, с легкостью обогнала девочку и заскользила дальше — по сухой иглице, цветущему черничнику, кустам, стволам...

Придорожный дуб вздрогнул. Из дупла, прошивавшего его от корней до макушки, с испуганным цоканьем высыпала стайка белок, заметалась по веткам, торопливо перескакивая на соседние деревья. Старый трухлявый великан сумел пережить и зимние снегопады, и весенний ураган, широ-

кой полосой положивший лес вешкой¹ левее. Но сегодня его везение кончилось.

Когда Рыска поравнялась с дубом, тот как раз начал обманчиво медленно валиться поперек тропы. Девочка, скорее почуввав, чем заметив угрозу, взвизгнула и, выставив руки, отшатнулась. Пятки вспахали пыль, Рыска больно шлепнулась на ягодицы.

Ствол ахнул о землю, брызнул корой и обломками веток. Лысый клык-сук мелькнул перед самыми глазами оцепеневшей девочки, ветер взлохматил волосы, начинил их щепками.

Но осознать, мимо какой беды пронесла ее Богиня, Рыска не успела.

— Ага, вон она!

Мальчишки гончими псами вылетели из-за поворота.

Девочка вскочила и с ужасом поняла, что до вески добежать уже не успеет. Обегать дерево некогда, перелезть долго, а в чаще, на мшистой болотине, ее догонят в два счета. Оставалось только вниз, по отвилку тропки, мимо выворотня с медвежьей берлогой и дальше, к дому Бывшего. Там мальчишки от нее отвяжутся, они полоумного старика до смерти боятся.

О том, боится ли его сама Рыска, девочка в тот момент не задумывалась.

— Эй, ты куда? — В голосе кузнецова сына послышался испуг.

Дорога к Старому Дому пользовалась еще худшей славой, чем кладбищенская. Обычно ребягня старалась поскорее проскочить сам поворот, хотя, конечно, каждый по разику да глянул, что ж это за дом такой. Когда-то в нем жила семья из семи человек, да в холерный год вся перемерла. По уму следовало бы сжечь избу, но сначала из-за заразы подходить боялись, а потом кто-то дух покойного хозяина увидеть сподобился: дескать, бродит по двору, глядит за забор и вздыхает. Не хватало еще, чтоб, дома лишившись, по всей веске бродить начал!

А потом пришел новый жилец. Ничьего разрешения

---

¹ мера длины, примерно 1 км.

спрашивать не стал, заселился, и все. Ни духи, ни зараза его не взяли, голова же у него сразу больная была: говорили, будто он прежде в путниках ходил, а потом утратил дар и свихнулся. Так весчане его Бывшим и прозвали.

Тропа почти заросла крапивой и малинником, Рыска здорово обстрекала и исцарапала ноги, пока добралась до забора. Дом и впрямь был старым. Несколько венцов ушли под землю, остальные обомшели и заплесневели. На прорехи в крыше жилец накидал камыша и веток, из-за чего дом напоминал бобровую плотину на обмелевшей речке. Хозяйства Бывший не держал, даже собака по двору не бегала. Еду покупал у весчан — видать, успел скопить деньжат в бытность путником, а одежду, похоже, носил ту самую, в которой пришел.

Рыска нырнула в дырку на месте трех выпавших штакетинок, на четвереньках проползла бархатистыми лопухами и, не отряхнув коленей, на одном дыхании домчалась до порога дома. Развернулась — и охнула. Мальчишки рассудили, что раз эта засранка во двор забежала и на месте не померла, то с ними тоже ничего не сделается. Теперь они по очереди выбирались из лаза в заборе, боязливо осматриваясь и подначивая друг друга.

— Ну, сейчас ты у меня попляшешь, крысеныш! — Илай рванулся вперед.

Рыска вжалась спиной в дверь... и почувствовала, что та подается, уходит внутрь. Девочка взмахнула руками, теряя равновесие, неосознанно шагнула назад и с отчаянным писком падающей в ловушку мыши ввалилась в дом. Хлоп! Дверь закрылась.

Мальчишка сунулся было за Рыской, но вовремя опомнился и попятился. Дружки так и не осмелились подойти к крыльцу, а стоять на нем в одиночестве Илай тоже не пожелал.

— А вдруг он ее сожрет? — предположил сын кузнеца, от волнения кося больше обычного. Ему нравилась худенькая угрюмая девочка с желто-зелеными, чужинскими глазами, но признаваться в этом друзьям Варик боялся: засмеют, а то и затравят, как саму Рыску.

— Подавится,— неуверенно возразил Илай. Из дома не доносилось ни звука, отчего мальчишкам было еще страшнее.— Поди, подсмотри в щелку!

— Не-е...— отступил к лопухам друг.— Нашел дурака.

— Струсил!

— Ты сам струсил!

— А вот и нет!

Рыска же выглянуть во двор не побоялась и, увидев, что мальчишки о чем-то спорят, решила переждать по эту сторону двери. Дом казался нежилым не только снаружи, но и внутри. Свет едва сочится в запыленные окошки, плевка на одном из них надорвана и при порывах ветра въедливо посвистывает. Углы затянуло паутиной, лавка просела на сломанную ножку, под слоем сора не понять, глинобитный пол или дощатый. В углу кровать, с горкой заваленная тряпьем, в стоящем возле нее ведре плавают кружка — странно, что не жаба.

А еще в доме так воняло крысами, будто они не просто тут жили, а сбегались гадить со всей вески. Девочка зажала нос. Она ненавидела этот запах, как и самих прожорливых голохвостых тварей. Крыса издревле считалась символом беды, неудачи, хвори. Так и говорили: крысиный урожай, крысиная погода, год Крысы — значит, паршивей некуда. «У него в хлеву только крысы плодятся»,— презрительно отзывались о бедняке, и Рыске, увы, не раз пришлось убедиться в меткости этой поговорки. Бывает, выглянешь в сени за простоквашей — а на кринке сидит огромный крысак, хвост до пола свисает. Если у тебя в руках кочерги или полена нет, даже ухом не поведет, а начнешь пугать, в ладоши хлопать, может и на тебя кинуться. И в гумно ночью лучше не заходить. Откроешь дверь, а они — шу-у-у-сь! — и по стенам вверх побежали, только шелест идет да глазки посверкивают.

— Ры-ы-ыска! — завопили во дворе.— Рыска-крыска, вылазь из норки!

— А то мы твоему батьке расскажем, что ты в Старый Дом заходила! — мстительно добавил Илай. У девочки екнуло в боку, но потом она сообразила, что тогда мальчишкам придется сознаться, откуда они это проведали. Как же от них от-

вязаться? Может, тут есть другая дверь или заднее окошко открывается? Рыска на цыпочках двинулась через комнату, шепотом моля Богиню, чтобы та помогла ей выбраться отсюда до возвращения хозяина.

Но когда девочка проходила мимо кровати, доски днища заскрипели. Из тряпья высунулась тощая, в разводах вен и коричневых пятнах рука и ловко сцапала Рыску за запястье.

Девочка завизжала. Да так убедительно, что во дворе эхом отозвались и без оглядки бросились прочь мальчишки.

Хозяин был дома. И вряд ли уже сумел бы его покинуть.

Рыска часто видела Бывшего, когда тот спускался за водой к ручью или появлялся в лавке. Он молча тыкал пальцем в разложенные на полках товары, расплачивался и уходил. Иногда останавливался посреди улицы и начинал разговаривать, даже спорить, с самим собой. Вещане только однажды слышали, как он обратился к кому-то другому — путнику, в его прошлый приезд, два года назад. Впрочем, обратился — слабо сказано. С руганью кинулся к нетопырю, пытаясь не то стащить всадника на землю, не то что-то отобрать. Все думали — путник ему сейчас в лоб кулаком, а то и мечом заедет, но тот побледнел, попятил нетопыря, развернулся — и ходу. Старик поорал-поорал ему вслед, плюнул на дорогу и побрел домой, по-прежнему не обращая ни на кого внимания.

Если уж сам путник струсил, то Рыска и вовсе чуть в обморок не грохнулась. Старик заворочался под тряпьем, повернул к ней лицо. Кожа так обтягивала кости, что казалось, будто в пакле волос лежит череп — беззубый, зато с выпуклыми, широко распахнутыми глазами. В провалах зрачков клубился белый туман слепоты.

— Слышишь? — заговорщически прохрипел умирающий. — Они уже здесь. Они ждали о-о-очень долго, но любая дорога когда-нибудь заканчивается... А ты хочешь быть крыской, деточка?

— Дедушка, отпусти меня! Пожа-а-алуйста! — заскулила Рыска, пытаясь выкрутиться, но Бывший, не слушая, продолжал лихорадочно шептать:

— Один к пяти, хе-хе, он стоит у самого порога, надо толь-

ко повернуть ворот... Чем раньше, тем лучше, верно, малышка? Ходить по дорогам в темноте слишком опасно, столько дурацких судеб, столько глупых смертей... Иди сюда, моя свечечка!

Старик ухватил девочку и второй рукой, потянул к себе, чуть не опрокинув на кровать. Рыска забилась, как тот сом, извиваясь и упираясь всем телом.

— Хорошая крыска, хорошая...

Девочка наконец вырвалась, оставив под ногтями у безумца несколько клочков кожи, и отпрыгнула к столу, больно ударившись о его край. Но старик больше не пытался ее хватать — лежал на спине, обратив к потолку слепые глаза, и что-то шептал ему с блаженной улыбкой.

Позади Рыски зашуршало. Громко так, выразительно, словно призывая оглянуться.

На прибитой над столом хлебнице сидели две крысы. Та, что побольше, нагло пялилась на девочку, сгорбив спину. На хребте клоками топорщилась ржавая неопрятная шерсть. Вторая умывалась, старательно вылизывая розовые лапки и натирая ими за ушами.

— Кыш,— неуверенно шепнула Рыска.

Крыса задрала морду, нюхая воздух, и девочка увидела длинные темно-желтые зубы. Верхние — как сдвоенные клинки, нижние — иглами.

— Если тебе повезет, они придут и за тобой,— внезапно повысил голос старик.— А если нет...

Крыса прыгнула. Распластавшееся в воздухе тельце стало вдвое длиннее, чуть ли не с кошку. Она метила не в девочку, пролетела мимо лица и побежала по полу дальше, к кровати. Но Рыска этого уже не узнала, с диким криком выскочив из дома.

* * *

На нетопырях седло крепилось по-хитрому: к широкому ошейнику-нагруднику, за передний край. Без подпруги, которая мешала бы зверю расправлять перепонки и планировать. Корова избавится от подобного украшения за один

взбрык, но нетопыри привыкли носить на спинах детенышей и точно так же оберегали от падения всадников.

Голова услужливо придержал путнику стремя.

— Господин... — проямлил он, пряча глаза.

— А? — покосился тот, выравнивая поводья.

— Скажите, а сколько правды в том, что молец орал? Ну, про волю Богини, про лавины...

Гость благодушно рассмеялся:

— Полноте, уважаемый, бабкины сказки! Вся наша жизнь — сплошной выбор: репой грядку засеять или морковкой, на Цаньке или на Паське жениться, с левой ноги встать или с правой. Может, дождь и без меня бы пошел. Один к пятидесяти. Мы, между прочим, тоже Хольгу чтим — за то, что в безмерной мудрости своей соткала такую паутину дорог, что у каждого человека есть выбор по его силам, уму, совести... либо кошельку. Какая лавина? От силы ромашка вместо лютика взойдет или ржавый гвоздь из бревна вылетит. Который и так бы вылетел, только через неделю.

— А вдруг на нем топор висел, а внизу дитя играло? — боязливо напомнил мужик старую сказочку.

Путник пожал плечами:

— А почему вы знаете: не будет ли оно играть там как раз через неделю? Всей разницы между моим выбором и вашим — что вы тянете жребий с завязанными глазами, а я с открытыми. Камешки же перед нами рассыпаны одинаковые. Так что не переживайте, все у вас будет. И дождь, и урожай, и девки румяные. А если вдруг еще какие напасти приключатся, зовите!

Голова облегченно выдохнул и посторонился. Нетопырь тронулся с места мягко и беззвучно, как кошка, оставляя в молочно-белой пыли отпечатки трехпалых лап да изредка — прочерк хвоста.

На выезде из вески путник рассеянно потянул за левый повод, объезжая бредущую навстречу девчонку: щуплую, оборванную, растрепанную, шмыгающую носом. На дороге порванными бусами атели капли крови.

«Лавины они боятся, ишь ты, — презрительно подумал всадник. — Чем может навредить мой выбор, если свой они

давно уже сделали: наплодили нищеты, а теперь плачутся, что кормить нечем...»

* * *

Рыска до того устала, что прошла мимо путника, будто мимо пня, хотя обычно ребятня разлеталась с его дороги, как пугливая воробьиная стайка. Девочка и нетопырь уже разминулись, когда что-то словно толкнуло Рыску в спину, заставив обернуться.

Крысиные глазки поблескивали как мокрые смородинки. Тварь тяжело дышала, приоткрыв пасть, в ноздрях и капельками на мешке запеклась кровь. Рыска машинально поднесла руку к носу, утерлась — вглубь стрельнула боль, на коже осталась красная влажная полоса. Откуда?! Неужели ударилась, когда в лесу упала, да в запале не почувствовала? Ох, и рубашка вся в пятнах...

Глаза заволокло мутью, в носу защипало, потекло сильнее, жиже.

— Ну, чего в землю вросла? — раздался за спиной скрипучий голос бабы Шулы. — Обходить тебя прикажешь?

Девочка торопливо посторонилась. Одной рукой старуха опиралась на палку, с трудом переставляя опухшие ноги, в другой держала полотняный мешочек. Когда Шула потряхивала им над дорогой, из дырочки в дне порошила желтая горчичная пыль. Путник уже скрылся из виду, и власть в веске опять принадлежала мольцу.

— Хорош выть-то, — ворчливо-жалостливо прикрикнула старуха на Рыску. — Какие еще твои горести: ноги ходят, спина гнется... Беги домой, отец тебя уже обыскался.

Все предыдущие напасти показались девочке милыми шуточками Богини. Рыска боялась и ненавидела обоих своих отцов. И того, который ворвался в веску под вражеским знаменем, ударом кулака свалил на землю первую встречную женщину, наскоро ею овладел и кинулся грабить дома. И того, который так и не смог простить этого черноволосой, в мать, девочке с «жабьими» саврянскими глазами. Когда через восемь лет в доме наконец-то появился второй ребенок, жизнь Рыски стала совсем невыносимой. Отец каждым

взглядом, каждым жестом показывал: «Ты здесь чужая. Если б тебя не было, у нас была бы нормальная счастливая семья. А так — напоминаешь и напоминаешь о том позоре».

«А где ты тогда был? В сарае прятался?» — однажды запальчиво выкрикнула девочка, и озверевший отец отлупил ее так, что Рыска чуть не померла, две недели на печи провалялась. Мать даже не попыталась защитить дочку, подхватила на руки младенца и выскочила из избы, чтобы крики его не разбудили.

На том Рыскина семья и кончилась. С отцом она больше не разговаривала, ластиться к матери перестала, хотя раньше все надеялась, что сумеет заслужить ее любовь.

— В папашу пошла, дрянь эдакая, — ругался отец, чувствуя вину перед девочкой, но не желая признаваться в этом даже самому себе. Проще наорать и ударить. — Поганая саврянская кровь, пригрел крысенка под своей крышей...

Рыска упрямо молчала и старалась держаться подальше от дома. Но там ее вороньем поджидали мальчишки...

— Даже ребятишек послал к сажалке тебя поискать, — добавила баба, — да вы, видать, разминулись.

— Ага, — шмыгнула носом девочка. — Разминулись.

Что лучше: мчаться домой или попытаться отстирать рубашку в канаве у общинного поля? Наверное, домой — чем дольше отец будет ее искать, тем сильнее рассердится. А за рубашку так и так влетит, в грязной теплой воде кровь с нее не сойдет, только размажется.

На бегу Рыска лихорадочно гадала, что же такое страшное она натворила. Калитку за собой не закрыла и куры со двора разбежались? Нет, она через забор возле будки перелазила, так ближе. Что-то сделать забыла? Да вроде и птице зерна насыпала, и поросенку помой отнесла, а козе — сена охапку закинула. В гости никто не собирался, мать ничего не просила...

Отец встретил девочку у общинного колодца, за три избы от своего двора, что было совсем дурным знаком.

— Где ты шлялась, паршивка?!

Рыска привычно пригнулась, и ладонь лишь скользнула по макушке.

— Ой-ё, а рубашку как изгвадала!

Девочка так же молча увернулась от второго удара, не убежая, но держась на таком расстоянии, чтобы отец не мог ее больше достать. Как собака, которой и деваться некуда, и коготушек огрести не хочется.

Невысокий, кряжистый, красный от жары мужчина утер текущий по лысине пот. Облегчение в этом жесте пересиливало злость.

— Живо домой, умойся и переоденься, — отрывисто велел он, поняв, что сейчас лучше сдерживать гнев, чем гоняться за этим крысенышем по веске. Забьется в какую-нибудь нору на чужих задворках, потом до темноты искать будешь.

Это что-то новенькое! Обычно отец так просто не отступался, пробовал-таки ее изловить — и порой успешно. Рыска, не сводя с него настороженного взгляда, бочком проскользнула мимо и припустила к избе. Колай вразвалку пошел следом, благодаря Богиню, что та вовремя вернула ему непослушную девчонку, и вдвойне — что скоро от нее избавит.

Избу отец строил как временку, «обживемся — новую отгрохаем, в два этажа». Пока Рыска была маленькой — верила. Потом поняла: просто хвастается, чтобы не пасть в соседских глазах совсем уж низко. И не то чтоб Колай был ленивым или там криворуким, даже наоборот: с утра до вечера то в поле, то чинит что-то, то на хуторах подрабатывает, но уж больно рисковать боялся. Предлагал ему сосед на паях болотную делянку выкупить и грибы-шатуны на продажу растить — не отважился, отказался. Сосед другого поделника нашел и сейчас даже летом в сапогах с подковками щеголяет, женку взял молоденькую. В прошлом году четверо весчан подрядились стадо скаковых коров в Саврию гнать — дорога дальняя, тяжелая, разбойников вдоль нее прорва. Звали и Колая, тот неделю думал, ходил по избе и зудел слепнем (как Рыска надеялась, что он уедет!), да так за околицу нос высунуть и не отважился. Правильно боялся: вернулись только трое, один вдобавок охромел на всю жизнь. Отец до сих пор с гордостью вспоминал, какой он верный выбор сделал, а Рыска с завистью смотрела из-за забора, как дети того, хромого, кормят цепного кобеля объедками мясного пирога. Черным же трудом в веске на новую избу не заработаешь.

После солнечного двора в доме казалось темно, как в погребке. Затхлый воздух пах кислым молоком, под потолком вяло жужжали мухи, недоумевая, куда это они попали.

— Ну наконец-то,— проворчала мать. Младенец на ее коленях тихонько вякнул, и женщина торопливо склонилась над ним, шикая и укачивая.— Где ты была?

— На рыбалке.— Рыска скорей полезла на печь, где сушилась запасная рубаха. Авось мать не успела разглядеть, во что превратилась эта.

— И как улов?

— Не клевало что-то,— растерялась девочка, остро жалея, что именно сегодня вернулась домой с пустыми руками: случилось и по сотне карасей наловить, хватало на жареное всей семье или на хорошую уху. Но обычно мать молча брала рыбу, не интересуясь, что да как. А тут сама разговор начала, и мирно так... Рыске снова захотелось разреветься, подбежать к матери, обнять ее, уткнуться в грудь и выложить и про мальчишек, и про жуткого старика, и про желтозубых крыс... Но место было уже занято другим ребенком. Нормальным, темноглазым. Желанным.

— Ну, готова? — заглянул в дверь отец.

Рыска вопросительно покосилась на мать.

— Безрукавку возьми,— сказала та. — Платок вязаный. И лапти.

— Так ведь жарница — жуть,— удивилась девочка.— А лапти зачем?

Бесковые ребятишки носились босиком от первой травы и до последней, летом обувались только хуторские, за что их презрительно обзывали «гусьями». Лапчатыми, ясное дело.

— Затем, чтоб вконец меня перед братом не опозорила,— буркнул Колай, ногой подпихивая к Рыске стоящую в уголке обувку.

— А зачем мы к нему идем?

— Будешь теперь на хуторах жить. У дяди. Ему девчонка на побегушках нужна. Зачем, зачем,— запоздало вскипел отец.— Собирайся вот, а не языком мели!

Рыска молча сгребла в охапку облезлую козью безрукавку, платок и грязную рубаху. Пошла к двери.

— Доченька...

Девочка вздрогнула, оглянулась. Мать судорожно сглотнула, подыскивая слова:

— Ты того... слушайся дядю.— И снова потупилась.

— Угу,— сникнув, кивнула Рыска. Отец подпихнул ее в спину, выпроваживая за порог, и закрыл за собой дверь.

ГЛАВА 2

Живут крысы в норах, кучах мусора, стогах, поленищах, подвалах и на чердаках. Едят они все без разбору, даже совершенную дрянь.

Там же

Траву скосили на рассвете. За полдня над ней знатно потрудились солнце, и теперь холмы так пряно, одуряюще пахли свежим сеном, что воздух можно было укупоривать в бутылки и продавать вместо вина. Рыска с трудом успевала за отцом. Лапти, от которых она за весну отвыкла, натирали и без того усталые ноги. Девочка даже по сторонам не смотрела, хотя в другое время дорога на хутора была бы завидным приключением для любого ребенка. И не то чтоб далеко идти, но ходили редко — как говорится, скаковые и дойные коровы в одном стаде не пасутся. Если Сурок и звал Колая в гости по праздникам, то дальше кухни не пускал: нечего грязными ногами крашенные полы топтать. А прочие весчане и вовсе появлялись там, только когда нужда припирала, деньжат одолжить или в батраки наняться.

Ходоки посторонились, пропуская стадо коров, которых гнали с дойки обратно на пастбище. Все как на подбор, упитанные, рослые, гладкие. Это в веске на единственную буренку чуть ли не молятся, будь она хоть хромяя или одноглазая, а Сурок, разводивший скот на продажу, оставлял себе только самых лучших.

Впереди слышались голоса, глухое уханье топора, петушиное пение, а вскоре показался и забор. Он был выше и

толще, чем весковый, из двух рядов кольев, прослоенных глиной с рубленой соломой. Над ним едва выступали крыши сараев да конек дома. Еще бы: весчанам только от дикого зверья защищаться надо, а хутора притягивают лихих людей, как колода с медом — голодного медведя.

Колай остановился перед воротами, смущенно кхекнул, одернул рубаху и отвесил Рыске подзатыльник, чтоб не сутулилась. В глубине двора, почуяв чужаков, зашлись лаем, зазвенели цепями сторожевые псы. Пришлось скорее стучать, чтобы не приняли за крадущихся воров.

Открыли почти сразу, но, увидев на пороге бедного хозяйского родича, батрак согнал с лица приветливую улыбку и потерял к гостям всякий интерес. Только буркнул:

— Хозяин на заднем дворе, ворон считает.— И, снова заперев ворота, поспешил к поленнице.

Изба Сурка была невысока, всего-то один этаж да чердак, как доброму человеку и положено. Это только в городе, где земля дорога, дома друг дружке на головы лезут, подставляясь молниям. А хуторское жилье и так с сараем не перепутаешь: бревна протравлены до темно-красного цвета, поверху глиняная черепица, ломтик к ломтику. Наличники и крыльцо узорчатые, на двери вырезана Хольга с выставленными вперед ладонями: мол, злу хода нет. На ступеньках валялись мелкие опилки — видать, резьбу недавно подновляли. На клумбе под окнами, огороженной затейливым плетнем из ивняка, цвело что-то пышное, розовое, с темно-зеленой листвой и колючими стеблями.

Рыска так и застыла с открытым ртом. Это ж какие после таких огромных цветов плоды должны быть? С репу, не иначе!

— Ну, чего стала? — проворочал отец, пихая ее в спину.— Успеешь еще насмотреться...

Дом оказался не только широкий, но и длиннющий, шагов двадцать. Такую махину зимой поди протопи, одной печкой не обойдешься! Рыска задрала голову и действительно увидела на крыше целых три трубы. Дым шел только из одной, светлый, прозрачный — видать, на углях томилось какое-то кушанье.

Задний двор был куда скромнее переднего, всего-то кусочек утоптанной земли, где можно без лишних глаз разделить кабанчика или, усевшись на врытую под стеной лавочку, распить с друзьями бутылку смородиновки, нарвав закуси прямо с огорода.

Вороны в этом году уродили: перед Сурком стояло два огромных короба, и хуторянин кропотливо пересчитывал битые тушки, перекладывая из одного в другой. Сейчас самое время на них охотиться — недавно вылетевшие из гнезда птенцы еще не успели набраться ума и растрясти детский жирок. С горохом да укропчиком... Рыска сглотнула слюну. Старую ворону поди излови, она сама кого хошь съест — и крыжовник с куста подчистую обклюет, и колобок стынущий с тарелки на подоконнике утянет, да так ловко, что будто сам убежал. К тому же жесткая она, горькая. А у Сурка, по слухам, в лесу целая делянка гнездовой, к ней специальный вороний пастух приставлен, подкармливает и глядит, не пора ли силки ставить.

Колай почтительно замер в трех шагах от двоюродного брата, чтобы, упаси Богиня, не сбить его со счета.

— ...сто сорок шесть, сто сорок семь... Эх, трех штук до ровного не хватило! — Сурок разочарованно выпрямился и наконец «заметил» родича. — А, здравствуй, Колай!

— Здравствуй и ты, Су... Викий! — Мужики обменялись рукопожатиями и тут же незаметно отерли руки о штаны: Сурок от бедняцкого духа, Колай от вороньего пера.

— А это чего, дочка твоя? — Хуторянин перевел взгляд на Рыску. Девочка нахохлилась: лицемерие взрослых ее здорово злило. Как будто сам не знает!

— Ага.

Сурок подцепил толстым пальцем Рыскин подбородок, покрутил вправо, влево. Скривился:

— Мелкая она у тебя какая-то. Сколько ей? Семь?

— Что ты, брат, — весной девять сравнялось! — показушно обиделся Колай.

Девочка сердито дернула головой, срываясь с крючка.

— Ах да, война же в прошлый год Крысы закончилась, —

намеренно поддел брата хуторянин. — А будто вчера избы горели. Вот время-то летит...

Мужики вежливо помолчали, якобы скорбя по погибшим, а на деле прикидывая, как бы ловчее повести торг.

— А тучек что-то нет и нет, — начал второй заход Колай. — Я, покуда к тебе дошел, весь взопрел.

— То-то и оно, — глубокомысленно возразил Сурок. — Парит. И ласточки низко летают, видишь?

Ласточки действительно носились над самой землей — там маслянисто поблескивала навозная лужа, над которой вились мухи. Тем не менее Колай согласно покивал:

— Дай-то Богиня, пойдет. А то воды не наносишься.

— На твой-то огород и полшапки хватит, — пренебрежительно фыркнул Сурок, — а у меня видал, поля какие? Тут полоть не успеваешь, не то что поливать. Всю прислугу пришлось на грядки выгнать. Стыдно сказать, жене самой пол мести приходится!

Колай сочувственно поцокал языком. Рыска покраснела, пытаясь удержать подступающий к горлу смех. Ужас какой — пол подмести! Девочка это даже за работу не считала, знай веником махай, о своем думая. А помои, наверное, Сурок по ночам выносит, чтоб никто его позора не видел!

— Ы-ы-ы... — все-таки вырвалось сквозь зубы.

— Она что у тебя — немая? — изумился хуторянин.

— Что ты, брат! — Отец растянул губы в льстивой улыбке, незаметно щипая Рыску за бок. — Просто стесняется. А обычно щебечет весь день как птичка!

— Мне птички без надобности, — отрезал Сурок. — И так дармоедов полон дом. Эй, козявка, ты прясть умеешь?

— Да, — пискнула Рыска, понимая, что следующий щипок будет куда чувствительнее.

— А коров доить? Блины печь?

— Умею.

— Взять тебя, что ль, жене в помощь... — в раздумье протянул Сурок, как будто не за тем вызвал Колая по самому пеклу.

— А чего? И возьми! — оживился тот. — Хорошая девчонка, послушная! А уж работающая...

— Ну не зна-а-аю...— Сурок еще пристальней вперил в Рыску маленькие лупатые глазки, казавшиеся двумя черничинами на круглой розовой тарелке.— Я вообще-то уже привез из Вилок одного сопляка. Мальчишка, правда, и такой жук, что пороть не перепороть...

— Тю, с этими сорванцами одни хлопоты! — подхватил Колай.— Так и нороят то в лес, то на рыбалку улизнуть. То ли дело девочка: и уберет, и младенчика понянчит, и обед сготовит...

Рыска фыркнула и тут же ойкнула, схватившись за попу.

— Время уж больно тяжелое,— продолжал гнуть свое Сурок.— Сами пустыми щами перебиваемся, и те на крапиве. А тут еще один рот, и плати ему вдобавок...

— Что ты, Викий, мы же родня! — с деланным возмущением замахал руками Колай.— Какая плата? Пусть просто поживет у тебя, ума наберется.

— Да как-то оно... неудобно,— так же фальшиво возразил Сурок.— Тебе, поди, тоже лишние руки в хозяйстве не помещают.

— Сколько там пока того хозяйства! — Колай многозначительно выделил «пока» — мол, со временем разбогатею почище тебя.— А потом, глядишь, и сын подрастет...

Сурок с нажимом поскреб нос.

— Ну давай хоть долг прощу,— неохотно предложил он.

— Можно,— с плохо скрываемой радостью согласился Колай и подтолкнул Рыску к брату, пока тот не передумал.

Родичи снова на миг сплели и вытерли руки.

— Эх, и рад бы с тобой поболтать, но дела, дела...— многозначительно вздохнул Сурок.

— Мне тоже до темноты ограду починить надо, а то вечно чужие собаки забегают, цыплят давят,— заторопился Рыскин отец.— Ну и жирные у тебя нынче вороны, брат! Аж в короб не вмещаются.

— Ага,— «не заметил» намека хуторянин.— Ну, бывай здоров!

— И тебе не болеть.— Колай кинул еще один завистливый взгляд на короб, напоследок погрозил Рыске пальцем и ушел со двора.

Когда за братом закрылись ворота, Сурок высунулся за угол и повелительно гаркнул:

— Эй, Цыка! Подь сюда!

Батрак, рубивший дрова, чуть не попал себе по колену. Выругался, глубоко вогнал топор в колоду и поспешил на хозяйский зов.

— Короб — в погреб, — отрывисто велел Сурок. — Девчонку — к женке. Пусть покажет ей, чего да как.

— Ага. — Парень ухватился за плетеные ручки и с натугой поволок урожай к заднему крыльцу.

Рыска, поколебавшись, робко двинулась следом. Без отца, какого-никакого, а знакомого, у нее противно засосало в животе. Дома хоть на печь забиться можно, там и кошка ласково мурчит, и сушеными яблоками вкусно пахнет... здесь же все чужое, равнодушное и оттого еще более страшное.

Батрак коленом пнул дверь и скрылся в сенях. Чем дольше девочка ждала на пороге, тем неуютнее ей становилось. Может, надо было зайти вместе с Цыкой? Но ведь он ничего ей не сказал... Люди, работавшие во дворе, не обращали на девочку никакого внимания. Только черный петух, где-то растерявший полхвоста, с подозрительным кококаньем прохаживался рядом, заставляя Рыску жаться к крыльцу. А в доме кто-то ругался, громко и визгливо. Не то на нее, бестолковую девчонку, не то друг на друга — чуть позже Рыска различила несколько голосов: два или три женских и редкий, огрызающийся, мужской. Потом что-то бухнуло, голоса разом смолкли, и девочка услышала приближающиеся шаги.

Женка, левая жена, которую брали сразу после рождения ребенка у правой, первой, распоряжалась слугами, сама мало чем от них отличаясь. Если жену просватывали из богатой и знатной семьи, то женками обычно становились бесприданницы, вдовы или перестарки. Порой, напротив, жену навязывали родители и положение, а женку выбирали по любви. Но Сурок даже в юности предпочитал романтике удачную сделку, и сейчас на крыльцо вышла некрасивая, жилистая, рано состарившаяся тетка в простом полотняном платье и заляпанном переднике.

— Ты, что ль, новая работница?

Девочка безмолвно кивнула.

— Пошли, — хмуро, думая о чем-то своем, велела женка. — Масло сбивать будешь.

— А это как? — растерялась Рыска. Коза-то у ее родителей была, но молока едва хватало на творог или сыр — ими да хлебом семья и кормилась. Какое там масло, сметанки бы в щи по праздникам!

— Сейчас узнаешь. — Тетка провела девочку через просторные сени, заставленные разнообразными мешками, бочками, кадوشками, и, велев хорошенько вытереть ноги о расстеленную у порога тряпку, впустила в кухню. Рыска боязливо огляделась — ого! Да у ее отца весь дом меньше! Печь такая, что целого теленка зажарить можно, потолок высоченный, только кочергой и достать. И пахнет тут вовсе не крапивными щами, а маковыми рогульками, вон стынут на столе под тонким полотенцем. Девочка сглотнула набежавшую слюну и отвернулась, тем более что потчевать ее никто не собирался.

Работа оказалась тяжелой, но несложной. Маслобойку — подвешенный к потолку ящик, похожий на детский гробик, — полагалось раскачивать за веревку, пока руки не устанут. И потом тоже. Плеск внутри постепенно сменился вязким чавканьем, потом вообще стих. Рыска сгорала от любопытства, что же там получилось, но женка сунула ей кружку с ячменем и отправила кормить птицу. Тут девочка оплошала: черный петух, увидев вместо рослой птичницы какую-то малявку, нагло порхнул прямо на кружку и выбил ее из рук. Зерно желтой полосой перечеркнуло крыльцо. Сбежавшиеся куры и утки кинулись его клевать и драться за место у слишком маленькой кормушки. Вырванные перья поднялись выше стрехи, на истошный ор выскочила какая-то девица и обругала Рыску безрукой дурой. Ногами распинала птицу, расшвыряла зерно подальше, подобрала кружку и вернулась в дом. Девочка опять осталась на крыльце, глотая слезы и боясь показаться женке на глаза. Полдня не проработала, а уже провинилась!

— Куда ты там запропастилась, лентяйка? — выглянула в окно хозяйка. — Иди картошку чисти!

Рыска робко, бочком прошмыгнула в дверь, ожидая нагоняя, но женка возилась у печи, свирепо пыхающей паром, и только махнула девочке на стоящую возле помойного ведра корзину:

— Да срезай потоньше и глазки хорошенько выколупывай! А то знаю я вас...

Девушка, наоравшая на Рыску, сейчас ловко крошила луковые перья, широкими взмахами сметая зеленые колечки в миску. Из-под чистенькой косынки, завязанной не под подбородком, а сзади, как у городских, выбивались рыжеватые вьющиеся прядки.

— Возьми лучше этот, он острее, — закончив, мирно сказала она, передавая девочке свой нож. — Тебя как зовут?

— Рыска. — Картошка выскользнула из пальцев и булькнула в теплую мутную воду. Рыска с отчаянием уставилась на расходящиеся круги.

— А я Фесся. — Служанка заговорщически подмигнула девочке. — Ничего, привыкнешь! У меня тоже поначалу все из рук валялось.

На душе у Рыски немножко потеплело. Оглянувшись на хозяйку, она тайком выловила утопленницу, обтерла о подол и кинула в горшок с чистой водой. Дальше дело пошло ловчее и быстрее, даже женка не нашла, к чему придраться.

Время до ужина пролетело почти незаметно. За стол сели уже в потемках, когда хозяева поели и улеглись спать; Рыска так и не увидела ни правую жену Сурка, ни детей. Полы они сами метут, ага... Помимо Фесси в доме прислуживали еще двое батраков: дедок, которого звали по всякой мелочи — ножи заточить, курицу зарезать, черенок у ухвата починить, и Цыка, бравший на себя более тяжелую работу. А на вывешенную над порогом лампу к дому стеклось столько народу, что у Рыски даже пальцев не хватило сосчитать. Батраки поочередно смывали у припорожной колоды замешенную на поте грязь, плещась и фыркающая как быки. Потом степенно заходили на кухню, придиричиво выискивали в прибитом к стене коробе свою, лично вырезанную из дерева, ложку и подса-

живались к столу. Просторная кухня мигом стала тесной и душной, хотя дверь уже не закрывали.

Усталые люди вначале ели молча, наперебой черпая из горшка тушеный с салом горох и запивая квасом, но постепенно отошли, заговорили, стали отпускать шуточки, по большей части непонятные Рыске, но безумно смешные для всех остальных. Девочка забилась в уголок, жуя подгоревшую, негодящую для хозяев рогульку, но самой Рыске она казалась праздничным угощением. Пожалуй, и тут жить можно, заключила она.

— Эй, Жар! — окликнула Фесся, когда разговор стал совсем уж взрослым. — Проводи-ка свою соседку на чердак, детям спать пора.

— Чего она, сама не найдет? — проворчал мальчишка, но с лавки поднялся.

Днем Рыска его не видела, а за ужином не обратила внимания. Пришлось разглядывать теперь, и ничего хорошего девочка не увидела: выше и старше ее на пару лет, на Илая похож — такой же худой и нахальный, с волосами цвета куньей шерсти. Наверняка драться будет, с тоской решила Рыска.

— А ты у нас давно усы брить стал? — лукаво напомнила служанка.

— Тю, я и без усов поумней некоторых буду! — бесшабашно заявил Жар.

— Бреешь, малявка, — прогудел рослый чернобородый мужчина с самой большой ложкой (но упрекнуть его в этом вряд ли бы кто посмел!). — Взрослый, предложи ему девку на сенник отвести, зайцем бы поскакал!

Батраки опять неведомо чему рассмеялись. Мальчишка насупился еще больше и, нехотя махнув Рыске, побрел к двери.

Лаз на чердак был из сеней — черная дыра в потолке, в которую упиралась рогам старая лестница.

— Нам что, туда?! — Девочка с тоской поглядела через плечо, на тусклую полосу света, сужающуюся под скрип петель. Хлоп — исчезла и она.